

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРИЧАСТНОСТИ К СОВЕРШЕНИЮ ЛИЦОМ САМОУБИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ СТ. 110 И 110.1 УК РФ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-77-82>

Статья посвящена некоторым проблемам правового регулирования уголовной ответственности за доведение, склонение и содействие доведению до самоубийства. Отграничение между данными формами проводится по объективной стороне составов преступлений. В результате проведенного сравнительного анализа установлено, что изменения 2017 г. законодателем были внесены на основании лишь поверхностного исследования проблемных вопросов. В этой связи авторами предлагается рассмотреть рекомендации к совершенствованию отдельных положений действующего Уголовного кодекса РФ. Предметом исследования являются состояние и актуальные проблемы действующего уголовного законодательства Российской Федерации в части регулирования уголовной ответственности за доведение, склонение и содействие доведению до самоубийства. Цель проводимого исследования заключается в системном и комплексном осмыслении теоретико-правовых признаков и особенностей квалификации доведения, склонения и содействия доведению до самоубийства, а также выявлении наиболее актуальных проблем правоприменения, возникающих в процессе привлечения лица к уголовной ответственности по конкретной статье, и формулировании конкретных рекомендаций по их устранению. Методологическая основа исследования обусловлена особенностями предложенной к рассмотрению темы и структурирована двумя группами методов, а именно общенаучными и частными методами познания. Научная новизна проводимого исследования состоит в концептуальном осмыслении наиболее актуальных проблем правоприменения доведения, склонения и содействия доведению до самоубийства, а также предложении реконструировать действующее уголовно-правовое регулирование соответствующих общественных отношений.

ЧГУНОВ

Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент, заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя
(г. Москва)

aachugunow@list.ru

КАЛИНИНСКАЯ

Яна Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД
России им. В. Я. Кикотя (г. Москва)

kalininskayayna@mail.ru

ИВЛЕВА

Лидия Николаевна

доцент отделения
дознания Отдела МВД России
по Савеловскому району
г. Москвы (г. Москва)

lidivleva@yandex.ru

**Доведение до самоубийства;
склонение;
содействие;
отграничение;
объективная сторона;
квалификация**

Alexander A. CHUGUNOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Deputy Head
of the Department of Criminal Law,
Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (Moscow)

aachugunow@list.ru

Yana S. KALININSKAYA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law, Vladimir Kikot
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Moscow)

kalininskayayna@mail.ru

**ON THE CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR SOME FORMS
OF IMPARTMENT IN THE COMMITMENT OF SUICIDE
BY A PERSON IN THE CONTEXT OF ARTICLES 110
AND 110.1 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to some problems of legal regulation of criminal liability for inciting, inducing and facilitating incitement to suicide. The distinction between these forms is carried out on the objective side of the offenses. As a result of the comparative analysis, it was found that the changes in 2017 were made by the legislator on the basis of only a superficial study of problematic issues. In this regard, the authors propose to consider recommendations for improving certain provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation. The subject of the study is the state and current problems of the current criminal legislation of the Russian Federation in terms of regulating criminal liability for inciting,

Lidia N. IVLEVA

Investigator, Department of Inquiry,
Department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
for the Savelovsky District
of Moscow (Moscow)
lidivleva@yandex.ru

**Driving to suicide;
declination;
assistance;
delimitation;
objective side;
qualification**

inducing and facilitating incitement to suicide. The purpose of the study is to systematically and comprehensively comprehend the theoretical and legal features and features of the qualification of inciting, inducing and facilitating incitement to suicide, as well as identifying the most pressing problems of law enforcement that arise in the process of bringing a person to criminal liability under a specific article, and formulating specific recommendations on their elimination. The methodological basis of the study is determined by the peculiarities of the topic proposed for consideration and is structured by two groups of methods, namely, general scientific and particular methods of cognition. The scientific novelty of the research is the conceptual understanding of the most pressing problems of law enforcement inciting, inducing and facilitating incitement to suicide, as well as the proposal to reconstruct the current criminal law regulation of relevant social relations.

В 2017 г. уголовное законодательство подверглось существенной модификации, в частности были криминализованы два состава (ст. 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) соответственно), в которых законодатель счел необходимым дифференцировать ответственность за альтернативные формы причастности к самоубийству, отграничив их от доведения. Уголовная ответственность за доведение, склонение и содействие доведению до самоубийства в настоящее время предусмотрена нормами УК РФ, а именно ст. 110, 110.1 и 110.2, анализ которых, к сожалению, свидетельствуют о том, что законодателю не всегда следует количество предпочитать качеству.

Представляется уместным критически проанализировать основания криминализации составов ст. 110.1 и 110.2 УК РФ и в сравнительно-правовом формате попытаться прояснить, насколько необходимыми были данные новеллы и насколько эффективными они в итоге оказались, учитывая, что введение в УК РФ указанных составов по ряду причин было неоднозначно принято отечественной уголовно-правовой доктриной и практикой правоприменения.

В настоящий момент конвенциональной является позиция, согласно которой отграничение между доведением до самоубийства и склонением/содействием его совершению проводится по объективной стороне [1, с. 105–111; 2, с. 112; 3, с. 151–159; 4, с. 8–9].

Действительно, объективная сторона доведения до самоубийства имеет три альтернативных элемента (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства), т.е. является ригидной, тогда как категории склонения и содействия не предполагают исчерпывающих характеристик. Например, согласно позиции А. В. Бриллиантова «жестокое обращение предполагает некоторую систему поступков, которые сами по себе могут выра-

жаться как в действии (побои, принуждение к труду, выдворение из дома и др.), так и в бездействии (непредоставление еды, одежды и др.)» [5, с. 410]. Примеры из правоприменительной практики не вносят особой конкретики в понимание данного признака, оставляя за ним абстрактный, оценочный характер. Так, в период времени с 4 до 6 часов 2 января 2012 г. Кашпиров совместно с Герасимовым после употребления спиртных напитков, находясь в состоянии алкогольного опьянения в казарме 2 и 3 танковых рот войсковой части, решили поиздеваться над сослуживцами, для чего отдали приказ построиться в шеренгу и выполнять отжимания от пола. На отказы выполнять неправомерное требование Кашпиров и Герасимов стали наносить сослуживцам телесные повреждения посредством ударов рук и ног в туловище, голову, ноги, что сопровождалось унижительными комментариями и насмешками, а также угрозами расправы в случае, если потерпевшие доложат о происходящем высшему руководству. В ту же ночь один из потерпевших, заступив на караульную смену, застрелился на посту, не вынеся глумления и издевательств со стороны сослуживцев [6]. В данном случае действия, направленные на доведение до самоубийства, выразились в физическом насилии (нанесении ударов) и психическом насилии (оскорблениях) по отношению к потерпевшему.

Признаки же, которые сформулированы законодателем в ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ, дают лишь общее представление о специфике данного разграничения: в ч. 1, например, четко указано, что склонение к самоубийству совершается «путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства».

Таким образом, отграничение признаков доведения до самоубийства заложено в саму диспозицию

данной нормы и на первый взгляд не должно вызывать проблемы в правоприменительной практике. С другой стороны, нельзя забывать, что наличие в законодательстве (особенно в уголовном) норм с неочевидным пределом действия является крайне неблагоприятным фактором, влекущим за собой различного рода ошибки в правоприменении. В случае с ч. 1 ст. 110.1 УК РФ проблема «каучукового» определения перечня признаков, как представляется, обусловлена объективными обстоятельствами, ведь предусмотреть заранее все формы деструктивного воздействия на психику потерпевшего и предупредить появление такой альтернативы преступного поведения злоумышленника, которое не будет охватываться диспозицией состава, попросту невозможно. Поэтому законодатель вынужден прибегать к неудачным формулировкам подобного рода и конструировать объективную сторону отдельных посягательств через альтернативные элементы с «открытым перечнем», хотя официальный правоприменитель в лице Конституционного Суда РФ и указал на их недопустимость в диспозициях статей Особенной части Уголовного закона [7].

Однако проблема отграничения склонения к самоубийству от доведения до него имеет и другие аспекты. Так, например, невозможно дать однозначный ответ на вопрос, выступает ли шантаж структурообразующим признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110.1 УК РФ. Или же он в большей степени актуален именно для ст. 110 УК РФ, если его интерпретировать как особую разновидность угрозы? В этом смысле довольно спорной видится позиция М. А. Артамоновой, которая при разрешении данной проблемы предлагает использовать следующий критерий разграничения: «В основу разграничения этих составов должен быть положен характер угрозы. Если речь идет об угрозе физическим насилием, то применяется ст. 110 УК РФ. Но в таком случае в ч. 1 ст. 110 УК РФ следует внести соответствующие редакционные поправки. Если же угроза носит характер шантажа, то должна применяться ст. 110.1 УК РФ, поскольку такая угроза подпадает под иной способ склонения к самоубийству» [8, с. 24–28].

Позиция автора представляется дискуссионной ввиду того, что психическое насилие (разновидностями которого являются и угроза, и шантаж) в полной мере охватывается диспозицией доведения до самоубийства, поэтому данный критерий является умозрительным и слишком субъективным, чтобы претендовать на его закрепление в законодательстве и тем более в правоприменительной практике.

В вопросах отграничения признаков объективной стороны указанных составов наиболее распространены позиции, созвучные мнению М. А. Артамоновой [9, с. 168–175], согласно которым во главу угла ставится специфика преступного пове-

дения виновного, т.е. конкретный характер его действий. Так, если в действиях присутствуют элементы физического воздействия, то предпочтение отдается доведению до самоубийства, если же речь идет о психическом (интеллектуальном) воздействии, в том числе и насильственного толка, то содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 110.1 УК РФ [10, с. 487].

Но, к сожалению, как было показано выше, позиция некоторых авторов относительно данного критерия является дискуссионной по следующим причинам:

- психическое воздействие (насилие) наряду с физическим в полной мере охватывается и диспозицией доведения до самоубийства;

- текстуальный анализ диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ прямо показывает, что психические формы деструктивного воздействия на потерпевшего не исчерпывают альтернативные элементы объективной стороны, поскольку формулировка законодателя «и иным способом...» указывает на необходимость расширительного толкования содержания;

- даже в случаях, когда содеянное совершается не «иным», оригинальным способом, а в рамках установленных ст. 110 и ч. 1 ст. 110.1 УК РФ признаков, не всегда возможно дифференцировать их по критерию физического/психического воздействия.

Сама категория «склонение» для российского уголовного права не является новой. Законодатель оперирует ей по меньшей мере при формулировании диспозиций ст. 205.1, 230, 230.1 УК РФ. В постановлении Пленума ВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [11], а также в п. 27 постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [12] определено, что следует понимать под данным понятием. Анализ вышеуказанного подхода к определению понятия «склонение» в рамках уголовного права наводит на мысль о том, что оно актуализируется лишь в случае склонения лица к противоправным (преступным) действиям. Самоубийство же по действующему УК РФ, как известно, преступлением не является. Кроме того, диспозиционная составляющая ч. 1 ст. 110.1 УК РФ в качестве альтернативных элементов объективной стороны отдельные термины (уговоры и предложения) использует в форме множественного числа, что идет вразрез с толкованием, данным Пленумом. Встает закономерный вопрос: однократное предложение совершить самоубийство, воспринятое потерпевшим положительно и реализованное, должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 110.1 УК РФ или нет?

В данном контексте вспоминается и проблема привлечения к ответственности администраторов так называемых групп смерти [13, с. 5–27] (деятельность которых и явилась одним из социально-правовых оснований для криминализации ст. 110.1 и 110.2 УК РФ), последним заданием в которых являлось совершение подростком непосредственно самоубийства, однако, если он отказывался от исполнения последнего, рокового «квеста», администраторы сообществ зачастую запугивали потерпевшего самого и (или) его родственников нанесением вреда здоровью или жизни. Подчеркнем, что приведенный пример не является умозрительной конструкцией, такие формы преступной активности администраторов соответствующих интернет-сообществ действительно практиковались, на что указывают и многие праведы [1].

Так как же следовало квалифицировать действия злоумышленников?

Представляется, что в данном случае необходима квалификация по ст. 110 УК РФ, поскольку в объективной стороне имеется признак угроз, который и структурирует состав доведения до самоубийства, а не склонения к самоубийству.

Альтернативный вариант квалификации – по совокупности ст. 110 и ч. 1 ст. 110.1 УК РФ – представляется неуместным, поскольку подстрекательство к самоповреждению в большей степени резонирует не с признаком угроз и предложений, а именно с признаком жестокого обращения, даже несмотря на оценочный характер последнего.

Наконец, квалификация по ч. 1 ст. 110.1 УК РФ ввиду вышеуказанных причин тоже не представляется возможной (так как данное деяние не соответствует объективной стороне).

Общественная опасность доведения до самоубийства значительно выше, чем у посягательств, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ. Альтернативные действия объективной стороны доведения до самоубийства могут сами образовывать другие составы преступлений (те же истязания, угроза убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью, клевета и т.д.), а в отношении ч. 1 ст. 110.1 УК РФ – невозможно.

На наш взгляд, указанные изменения 2017 г. были внесены на основании лишь поверхностного исследования проблемных вопросов.

Точнее формализована ответственность за содействие совершению самоубийства, поскольку, даже несмотря на аналогичные трудности с прояснением конкретного содержания альтернативных элементов объективной стороны, очевиден критерий отграничения от смежных составов. Так, анализ диспозиции ч. 2 ст. 110.1 УК РФ показывает, что в данном случае решение уйти из жизни потерпевшим уже принято и не поставлено в причинно-следственную зависимость

от действий преступника. В рамках данного состава актуализируется общественная опасность несколько иной формы причастности к самоубийству, а именно преступного «потворствования». Но и данная норма не лишена внутренних проблем и противоречий.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым сделать следующий вывод: состояние правового регулирования ответственности за доведение до самоубийства в рамках действующего УК РФ на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Формулировка диспозиции ст. 110 УК РФ сама по себе всегда вызывала (и продолжает вызывать) много вопросов и подчас затрудняет адекватное правоприменение данной нормы, а после изменений 2017 г. ситуация стала неоднозначной. Криминализованные составы ст. 110.1 и 110.2 УК РФ, существенно расширившие спектр уголовно-правового регулирования ответственности за различные формы причастности к самоубийству, были наспех сконструированы законодателем как результат общественно-правовой реакции на волну подростковых самоубийств, захлестнувших страну в 2015–2016 гг. И сконструированы крайне неудачно: критерии отграничения склонения от доведения до самоубийства до конца не ясны; судебно-следственная практика противоречива; ч. 2 ст. 110.1 УК РФ неактуальна в том контексте, в каком ее закрепил законодатель.

Так, согласно приговору Шумерлинского районного суда Чувашской Республики И., с целью возобновления близких отношений между ним и его бывшей девушкой А., с использованием своего персонального компьютера, подключенного к сети Интернет, продемонстрировал по *Skype* часть видеозаписи интимного характера с изображением А. гр-ну В., с которым в тот период времени встречалась А. После того, как об этом стало известно А., последняя совершила самоубийство через повешение. Судом не установлено наличие у И. прямого или косвенного умысла на доведение А. до самоубийства. Поэтому, а также в связи с отсутствием в действиях И. систематического унижения человеческого достоинства А. уголовное дело в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления [14]. Вопрос о том, насколько такая позиция суда является обоснованной и не следовало ли ему квалифицировать действия И. по ч. 1 ст. 110 УК РФ, приняв во внимание неосторожную форму вину (небрежность), является открытым.

В действующем уголовном законодательстве состав доведения до самоубийства является одним из наиболее проблемных, поскольку, как было показано, имеют место некоторые сложности в четком и однозначном определении не только объективных, но и субъективных признаков.

Пристатейный библиографический список

1. *Милова И. Е., Милова Е. А.* К вопросу о развитии представлений об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник ВУиТ. 2017. № 3.
2. *Рыжов Э. В.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
3. *Устинова Т. Д.* Склонение к самоубийству или содействие самоубийству : критический анализ // Lex Russica. 2020. № 3 (160).
4. *Филлипова С. В.* Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства : уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015.
6. Приговор Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 26 мая 2017 г. по делу № 1-15/2017 // Clck.ru : сайт. URL: <https://clck.ru/Xgowc> (дата обращения: 05.03.2022).
7. Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Артамонова М. А.* Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства : спорные вопросы толкования и применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85).
9. *Дубовиченко С. В., Карлов В. П.* Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни : критический анализ // Вестник ВУиТ. 2017. № 4.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Проспект, 2019.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Красиков В. И., Фоменко Е. В.* Группы ненависти в Рунете : ареалы распространения и типология // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4.
14. Приговор Шумерлинского районного суда Чувашской Республики от 21 августа 2014 г. № 1-63/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Milova I. E., Milova E. A.* On the Development of Ideas About Criminal Responsibility for Driving to Suicide. *Bulletin of Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2017. No. 3.
2. *Ryzhov E. V.* Criminal Liability for Bringing to Suicide: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2019.
3. *Ustinova T. D.* The Inclination to Suicide or the Promotion of Suicide: A Critical Analysis. *Lex Russica*. 2020. No. 3 (160).
4. *Fillipova S. V.* Inducement to Commit Suicide and Assistance in Committing Suicide: Criminal-Legal Characteristics and Problems of Qualification: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2020.
5. *Brilliantov A. V. (ed.)*. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2015.
6. Verdict of the Yuzhno-Sakhalinsk Garrison Military Court of 26 May 2017 in case No. 1-15/2017. URL: <https://clck.ru/Xgowc> (date of the application: 05.03.2022).
7. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23 June 2016 “Constitutional and Legal Aspects of Improving Rule-Making Activities (Based on Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2013–2015)” (SPS “ConsultantPlus”).
8. *Artamonova M. A.* Inducement to Commit Suicide and Assistance in Committing Suicide: Controversial Issues of Interpretation and Application. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 3 (85).
9. *Dubovichenko S. V., Karlov V. P.* Novelties of Criminal Legislation on Crimes Against Life: A Critical Analysis. *Bulletin of Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2017. No. 4.
10. *Chuchaev A. I. (ed.)*. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (Scientific and Practical). Moscow: Prospekt, 2019.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 February 2012 No. 1 "On Some Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Terrorist Crimes" (SPS "ConsultantPlus").
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 June 2006 No. 14 "On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Narcotic Drugs, Psychotropic, Potent and Poisonous Substances" (SPS "ConsultantPlus").
13. *Krasikov V. I., Fomenko E. V. Hate Groups in Runet: Distribution Areas and Typology. Bulletin of the Russian Law Academy. 2020. No. 4.*
14. Verdict of the Sumerlinsky District Court of the Chuvash Republic of 21 August 2014 No. 1-63/2014 (SPS "ConsultantPlus").